

УДК 811.161.1'42

ЯЗЫКОВЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАТИВОВ (на материале писем Б. Пастернака к Е. Пастернак)

Т. В. ЗЕМЛЯНИК^{1), 2)}

¹⁾Институт пограничной службы Республики Беларусь, ул. Славинского, 4, 220050, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Рассмотрены приемы воздействия на адресата, в которых наиболее ярко описываются свойства личностей коммуникантов: характеристика адресата, самохарактеристика, оценка автором собственного состояния, а также внешности и состояния адресата. Установлены как общие особенности языкового оформления интересующих нас приемов (обращение, сравнение, абстрактные существительные), так и частные способы их реализации (субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями в комплексе с краткими и полными формами имен прилагательных, стилистически сниженная лексика, эмоционально окрашенные глагольные лексемы, фигуры речи, лексические повторы, ряды однородных членов предложения).

Ключевые слова: языковые особенности; функционально-стилистические особенности; репрезентативы; эпистолярный текст; Б. Пастернак; Е. Пастернак; прием.

LANGUAGE AND FUNCTIONAL-STYLISTIC FEATURES OF REPRESENTATIVES (based on B. Pasternak's letters to E. Pasternak)

T. V. ZIAMLIANIK^{a, b}

^aInstitute of border troops of the Republic of Belarus, Slavinskaya Street, 4, 220050, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The language and functional-stylistic features of representative in B. Pasternak's letters to E. Pasternak are revealed. The methods of influencing the addressee, which most clearly characterize the personality of the communicants, are considered. This, in the first place – the characteristics of the addressee, assessment of the author's own condition, evaluation of the addressee's appearance, self-characterization of the author, evaluation of the addressee's condition. The analysis of representations made it possible to establish both general (treatment, comparison, use of abstract nouns) and private (substantive lexemes with an appraisal value and negative connotations combined with short and complete forms of adjectives, stylistically reduced vocabulary, emotionally colored verb lexemes, Figures of speech, lexical repetitions, as well as series of homogeneous sentence members) features of the linguistic design of the techniques of interest to us.

Key words: language features; functional and stylistic features; representative; epistolary text; B. Pasternak; E. Pasternak; reception.

Образец цитирования:

Земляник Т. В. Языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов (на материале писем Б. Пастернака к Е. Пастернак) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 2. С. 96–101.

For citation:

Ziamlianik T. V. Language and functional-stylistic features of representatives (based on B. Pasternak's letters to E. Pasternak). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 2. P. 96–101 (in Russ.).

Автор:

Татьяна Валерьевна Земляник – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин¹⁾, аспирантка кафедры русского языка филологического факультета²⁾. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Волюнец.

Author:

Tatsiana Ziamlianik, senior lecturer at the department of social and humanitarian disciplines^a; postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology^b.
zemlyanik_tanya@mail.ru

Русская культура обладает богатым эпистолярным наследием, историческое, культурное и языковое значение которого бесспорно. Эпистолярный как жанр находится на стыке диалогической и монологической речи, текста и дискурса и имеет высокий исследовательский потенциал в области коммуникативной грамматики, прагматики и грамматической стилистики. Русский эпистолярный постоянно вызывает интерес ученых-лингвистов (см. работы Е. И. Прохорова (1966), Д. С. Лихачева (1973), А. А. Акишиной (1982), Ю. В. Макаркиной (2000), А. В. Курьянович (2013) и др.), однако вопрос о значимости тех или иных грамматических единиц как средств установления и поддержания воображаемого диалога и моделирования образа адресата практически не разработан, его лишь затрагивали в диссертационных исследованиях Н. А. Ковалева (2000), Т. Н. Кабанова (2004), А. В. Белова (2005) и др.

Цель данной статьи – выявить языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак. Эпистолярные тексты писателя – образец элитарной языковой культуры. С одной стороны, речь Б. Пастернака задает и отражает некий стандарт (это пример письменной межличностной коммуникации представителей интеллигенции XX в.), с другой – является оригинальной в силу масштаба личности адресанта. Языковое своеобразие писем Б. Пастернака не раз отмечалось в научной литературе, но до сих пор не было глубоко изучено, что определяет актуальность нашего исследования.

В эпистолярных текстах Б. Пастернака реализованы различные виды речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы (классификация Дж. Серля [1, с. 180–188]). Особый интерес для исследователя представляют **репрезентативы**, поскольку они обязывают говорящего нести ответственность за сообщение о некотором положении дел и истинность выражаемого суждения. Элементы репрезентативов можно оценить по шкале, включающей истину и ложь [1, с. 181].

В письмах Б. Пастернака, адресованных Е. Пастернак, репрезентативы представлены достаточно широко. Многие из них включают в себя такие приемы воздействия на адресата, как характеристика адресата (16 единиц), признание в любви (15), оценка собственного состояния (13), обвинение (12), самоуничтожение (11), сомнение (9), оценка внешности адресата (7), выражение страха (6), похвала (6), самохарактеристика (6), оценка погоды (4), оценка состояния адресата (4), выражение огорчения (2), закливание (2), оправдание (2), выражение вины (1), восславление (1), обида (1), самообвинение (1), упрек (1), утешение (1).

В данной статье мы рассмотрим те приемы воздействия на адресата, которые, на наш взгляд, наиболее ярко характеризуют личности коммуникантов. Это в первую очередь характеристика адресата, оценка внешности и состояния адресата, оценка состояния автора и его самохарактеристика. Проведенный нами анализ репрезентативов позволил установить как общие, так и частные особенности языкового оформления названных приемов.

Практически во всех исследованных нами контекстах, кроме самохарактеристики адресанта, встречаются **обращения** к адресату, которые, как правило, являются маркером **внутреннего состояния** автора, обусловленного характером отношений коммуникантов. В позитивной направленности автор использует обращения *гулюшка* (уменьшительно-ласкательная форма существительного *гуля* 'ласковое название голубя, а также форма его подзывания'), *милая*, *милый друг*, *моя дорогая*. Обращение по имени – *Женя* – в письмах, адресованных Е. Пастернак, встречается только в случае описания крайне негативного состояния автора, вызванного словами или действиями адресата (например, необоснованными обвинениями или заявлениями о намерении не отвечать на письма адресанта). К такому обращению автор прибегает в заключительной части письма от 26 июня 1926 г., где пытается выразить те чувства, которые испытывает после получения письма от адресата: *Ад, кровь кипит, плохо сплю, никаких радостей, боюсь, что ничего не сделаю. Ах, Женя, Женя* [2, с. 717].

В письме от 10 августа 1926 г. автор немногословен при оценке своего внутреннего состояния. Об этом сигнализирует одна введенная в контекст абстрактная субстантивная лексема *горечь*, присутствие которой создает отрицательный эмоциональный фон: *Дал улечься минутной горечи. Пишу дальше. У меня к тебе ничего, кроме участия и желанья блага тебе нет. Никакой вражды. Но ты, Женя, адресуешь письмо к слабому, нуждающемуся в тебе человеку, который без тебя пропадет, который молит твоей любви, какой угодно, который любой ценой, во что бы то ни стало хочет жить с тобой, и вот ты ему перечисляешь свои условия, при которых пойдешь на эту жертву. Это не мой случай, Женя* [2, с. 755]. При создании данного контекста Б. Пастернак использует смысловой контраст: с одной стороны, это выражение положительного отношения автора к адресату (наличие в тексте абстрактных существительных с положительными коннотациями – *участие*, *желанье блага*; использование отрицательного местоимения в форме родительного падежа *никакой* перед атрибутивной лексемой *вражда*); с другой – констатация негативного отношения адресата к автору (маркером противопоставления хороший автор – плохой адресат является противительный союз *но*, после которого следует уничижительная самохарактеристика автора: *слабый, нуждающийся в тебе человек, который без тебя*

пропадет, который молит твоей любви, который любой ценой, во что бы то ни стало хочет жить с тобой).

Обращения в эпистолярном тексте могут функционировать также в качестве эксплицитных или имплицитных маркеров **характеристики внешности адресата**. Как отмечает И. И. Ковтунова, «именная группа, выражающая обращение, в поэтической речи часто бывает насыщена обозначением признаков и таким образом, помимо значения адресованности, заключает в себе характеристику адресата» [3, с. 105]. Эпистолярный поэт выразительностью языковых средств весьма приближен к поэтической речи. Нередко вслед за обращением в письмах Б. Пастернака следуют пожелания улучшения внешнего вида адресата (рекомендации автора заключаются в желании видеть собеседника более полным, а значит, по его мнению, и более здоровым): *Милая бедная девочка! <...> Сбыточна ли твоя поправка, можно ли тебе будет отдохнуть и пополнить?* [2, с. 467–468] (автор высказывает сожаление по поводу худобы адресата); *Красавица моя, что же ты все худенькая еще такая! Милое аттическое бесподобие мое, не увечь моей ширящейся, как туман, особенной, высокой, боготворящей тебя, возвеличивающей тебя страсти. Здоровей и поправляйся, толстей, толстей, радость моя! Нельзя, недопустимо быть щепкой при таком голосе, при таких губах, при таком взгляде* [2, с. 477] (положительная оценка внешности адресата, сопровождаемая пожеланиями автора относительно ее улучшения); *Гулюшка, надо тебе самой своим здоровьем заинтересоваться, это во власти человека, ты обязана поправиться, и это задача выполнимая, – я это на себе проверил* [2, с. 509] (ласковое обращение, предваряющее совет автора относительно улучшения здоровья адресата); *И одну я тебя увидал: бестолковую, худую, бледную. Ах, Женя, Женя* [2, с. 754] (обращение повторяется дважды, употребляется с междометием *ах* и выражает сожаление автора об отрицательном духовном и физическом состоянии адресата).

Обращение в сочетании с характеристикой адресата Б. Пастернак использует довольно редко (2 случая из 16). Так, в одном из контекстов, в котором автор употребляет в качестве обращения имя адресата *Женя*, одновременно реализуются функции адресации и характеристики: *Ты чудная, Женя, такая одухотворенная и белая по существу и замыслу Творца...* [2, с. 472].

Интерес представляет контекст, в котором автор трижды прибегает к обращениям-характеристикам, объединяющим в себе функции адресации и характеристики: *О радость моя, чего тебе стоит быть такой, какой ты рождена. Милое мое туманящее, колеблющее и к горлу подступающее сокровище, ведь это ты можешь быть и должна быть вечною моей умывающейся красавицей, белой, ясной, больше-лобой, той, от которой я не отступил в стихи. Той, чудная калевушка моя, какая ты есть, какая в Женины глаза вложена, какая в гробу будет и в моем загробном воображении. Стань такой, умоляю тебя* [2, с. 472–473]. В первом случае обращение к коммуникативному партнеру (*О радость моя!*) отражает те эмоции, которые испытывает автор при контакте с адресатом. Второе обращение состоит из прилагательного *милое*, реализующего значение ‘дорогой, любимый’, притяжательного местоимения *мое*, соотносящегося с личностью автора письма, и ряда однородных действительных причастий в форме настоящего времени (*туманящее, колеблющее и к горлу подступающее*), которые характеризуют субстантивную лексику *сокровище*, употребленную в значении ‘нечто очень ценное, дорогое для кого-нибудь’, и эксплицируют эмоциональное восприятие автором адресата письма. Третье обращение интересно тем, что в нем автор использует диалектную лексику *калевушка* (в словаре В. И. Даля дается следующее определение данного слова: «*Калева, калевка, калевочка – кроха, крошка, зерно, пылинка*» [4, с. 77]; следует отметить, что в используемой автором лексеме также реализуется ласкательное значение, выраженное с помощью суффикса *-ушк-*), объединяя ее с атрибутивной лексемой *чудная* ‘прекрасная, удивительная по красоте, прелести’ и притяжательным местоимением *моя*.

Обращение в сочетании с **оценкой состояния** адресата нами отмечено только в одном контексте: *бедная, золотая моя*. Конструируется оно с помощью оценочных атрибутивных лексем, которые субстантивируются в контексте и характеризуют адресата с разных сторон, реализуя следующие переносные значения: *бедный* ‘несчастный, попавший в беду, жалкий’; *золотой* ‘дорогой, любимый, ненаглядный’. Данные лексемы сочетаются с притяжательным местоимением *моя*, соотносящимся в языковой системе с личным местоимением *я* и эксплицирующим в контексте характер отношений на оси *автор – адресат*. Как отмечала И. И. Ковтунова, «в поэтических текстах обращения-прилагательные чаще заключают в себе не столько экспрессивно-оценочный смысл, сколько имеют характеризующее, признаковое значение» [3, с. 106]. Следует отметить, что эпистолярию поэта присущи признаки поэтического текста: комплетивность, экспериментальность, герметичность, репродуктивность, цельно-оформленность, идиоматичность, энергетичность [5, с. 39–42].

Еще один общий прием воздействия на адресата, отмеченный нами в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак, – сравнение. Как правило, оно базируется на сопоставлении явления или понятия (субъект

сравнения) с другим явлением или понятием (объект сравнения). Цель, равно как и результат сравнения, заключается в выделении какой-либо особо важной в художественном отношении характеристики субъекта.

Особенностью эпистолярной манеры Б. Пастернака является создание текстов, содержащих одновременно характеристики адресата и адресанта. Обычно это наблюдается при оценке адресата, которая осуществляется через его сравнение с адресантом: *И вот, замечательно, большой поддержкой в этой катастрофе послужило мне открытие, что когда вдруг приходят на память случаи твоей резкости, несправедливости и жестокости (сколько жестокости в тебе!), то тут же рядом в воспоминании и я, ошеломленный болью по этому поводу: и тут я лучше тебя, чище и выше, как в другой раз лучше ты* [2, с. 741]. Сначала автор характеризует адресата, используя абстрактные существительные, мотивированные качественными прилагательными и образованные с помощью суффикса *-ость*: *резкость, несправедливость, жестокость*. Затем адресант использует прием противопоставления и вводит в текст личное местоимение *я*, переключая внимание с адресата на автора, чье душевное состояние описывается с помощью оценочных атрибутивных лексем (*ошеломленный, лучше, чище, выше*). Сравнение реализуется в следующей конструкции: «субъект сравнения (*я*) + формы сравнительной степени прилагательного (*лучше, чище, выше*) + объект сравнения (*тебя*)». В следующей части приведенного контекста позиции субъекта и объекта сравнения меняются: «имплицитно выраженный объект сравнения (*меня*) + форма сравнительной степени прилагательного (*лучше*) + субъект сравнения (*ты*)». Условно предложение можно разделить на три части, объединенные цепной связью: *«твоей – я + формы сравнительной степени прилагательного (лучше, чище, выше) + объект сравнения (тебя)»*. В следующей части приведенного контекста позиции субъекта и объекта сравнения меняются: «имплицитно выраженный объект сравнения (*меня*) + форма сравнительной степени прилагательного (*лучше*) + субъект сравнения (*ты*)». Условно предложение можно разделить на три части, объединенные цепной связью: *«твоей – я → я – тебя → [меня] – ты»*.

Сравнение себя с адресатом Б. Пастернак использует и при **самохарактеристике**, но в этом случае на первый план выходит описание автора: *Ты вся в движении. Вот ты и разбегалась по жизни, вниз и вверх, всегда быстро, всегда решительно, гулко, полно, с опасностью. Теперь если ты возьмешь вот это свое знание <...> и вберешь в него все ступени, впитаешь их как бы в площадку, – ты получишь мое воображение. Оно обладает такою силой, что, отбрасывая несущественное, можно сказать, что я не расщеплен, что у меня нет противоречий, то есть что в противоречиях я – не я, не человек, меньше ничтожества. Как человек же я целиком подчинен ему* [2, с. 503–504].

Для более точной **оценки собственного состояния** автор нередко проводит параллель между субъектом описания (собой) и природой: *И все – дрова! Сегодня в 9 часов утра опять привезли. <...> Так я утрами переселяюсь в какой-то лес, заснеженный, недоспавшийся, мокрый, смешанный, – осиновый скорее, нежели березовый. И эти мужики по утрам правы: я – в лесу. Я действительно как в лесу без тебя. Величественно темно, однообразно захватывающе. Это ты. Но из этого леса надо выбраться, и по нескольким путям сразу. Я и буду* [2, с. 377].

Отталкиваясь от характеристики внешних обстоятельств, автор моделирует описание своего внутреннего состояния. В сознании адресанта возникают ассоциативные связи (*привоз дров для растопки печи – утренняя прогулка в зимнем лесу*), которые он пытается передать адресату. Экспликация собственного состояния осуществляется с помощью формы первого лица единственного числа настоящего времени глагола *переселяюсь*, который употребляется автором в переносном значении (он эмоционально, духовно изменяет местонахождение), и многочисленных атрибутивных лексем, как уже существующих в языке, так и индивидуально-авторских: *лес заснеженный, недоспавшийся (окказионализм), мокрый, смешанный, осиновый скорее, нежели березовый*. Чтобы объективировать собственное состояние, автор указывает на третьих лиц (обозначены просторечной субстантивной лексемой *мужики*), которые определяют место его нахождения так же, как и он. Подчеркивая достоверность и точность их слов, адресант употребляет атрибутивную лексему *правы*. Однако при непрямом цитировании автор не использует глагольную лексему, прибегая к неполному предложению: *я – в лесу* (вместо *я нахожусь в лесу*), что делает высказывание более абстрактным и семантически многозначным. Прямое значение слова *лес* ‘экологическая система, в которой одной из главных жизненных форм являются деревья’ реализуется в речи третьих лиц; автор же использует переносное значение лексемы, акцентируя внимание на ее характеристиках, возникающих в его сознании: *лес темный, холодный, загадочный, одинокий, волшебный*. В результате внешние свойства леса коррелируют с описанием внутреннего состояния адресанта, которое обусловлено его разлукой с адресатом (*Я действительно как в лесу без тебя*), в текст вводятся безлично-предикативные наречия, семантически осложненные качественными наречиями образа действия: *величественно темно, однообразно захватывающе*.

В контексте автор использует прием контрастного описания: *Опять – вечер, на улице было тихо, пока я читал и безумствовал...* [2, с. 378]. Вечерняя тишина, с одной стороны, и безумство (в значении

‘сильное возбуждение; неистовство’) адресанта – с другой, создают контраст. Описание внутреннего состояния в данном случае лаконично (используется только одна глагольная лексема *безумствовал*), но весьма выразительно на фоне описания природы (*вечер, на улице было тихо*).

Для характеристики адресата и самого себя автор активно вводит в текст **абстрактные существительные**, которые обозначают различные действия, признаки, качества, свойства, а также отвлеченные понятия. Абстрактные лексемы *простота, близость, прочность, верность, знания, воля, порывистость, власть, нелюбовь, ненависть* используются при **характеристике адресата** и оказывают прямое воздействие на коммуникативного партнера. Абстрактные существительные, которые автор употребляет для самохарактеристики, имеют как положительную (*доброта, чувствительность, сдержанность*), так и отрицательную оценку (*бесчувственность, прозябанье*).

К **частным особенностям** языкового оформления исследованных нами текстов относятся следующие: 1) активное использование субстантивных лексем с оценочным значением и отрицательными коннотациями; 2) введение в текст стилистически сниженной лексики; 3) построение текста с помощью эмоционально окрашенных глагольных лексем.

Субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями при характеристике адресата автор, как правило, использует в сочетании с атрибутивными лексемами, представленными в полной или краткой форме. Как отмечает Е. М. Вольф, «прилагательное легко приспосабливается к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении» [6, с. 4]. Рассмотрим два фрагмента писем: *Потом по сходству мне припомнились все твои приемы, все встречи, весь вообще твой образ мстительницы, карательницы, суровой, неумолимой госпожи* [2, с. 762]; *Другие [чувства], идущие из глаз в глаза, я отвожжу оттого, что тебя люблю и что ты самолюбива и ревнива* [2, с. 506]. Во втором контексте для характеристики адресата автор использует краткие прилагательные, выполняющие в предложении функцию сказуемых. Как полагает О. В. Нечаева, «для предложений с прилагательным (адъективом) в роли именной части сказуемого основным типовым значением является семантика характеристики. <...> Нередко такие предложения приобретают дополнительные, новые смыслы ввиду обнаружения позиций личности говорящего» [7, с. 203–204]. В неглагольных предложениях, в отличие от глагольных, роль автора более важна и значима. Говорящий отождествляет, сравнивает, характеризует, оценивает, формирует и выражает отношения между объектами действительности: «Позиция говорящего эксплицируется в грамматической и семантической структуре» [7, с. 204].

При **оценке собственного (часто негативного) состояния** автор активно вводит в текст эмоционально окрашенные глагольные лексемы, используя их преимущественно в формах прошедшего или настоящего времени (*безумствовал, кровь кипит, плохо сплю*), и стилистически сниженную лексику – просторечную (*струхнул, кристаллически сволочные факты*) и окказиональную (*недоспавшийся, вероять, сопутствование, апельсиновый*).

Оценка внешности адресата в эпистолярных текстах Б. Пастернака обычно сигнализирует о чувствах, которые автор испытывает к адресату. Поскольку эпистолярная коммуникация является дистантной, в большинстве контекстов автор указывает на источник сведений о внешнем виде коммуникативного партнера. Такой источник может быть как вещественным (*Я сегодня взглянул на ту карточку, где ты с Бетти снята, и не мог без улыбки глядеть на твой большой лоб* [2, с. 467]; *Ты была изумительным, упруго скрученным бутонем, когда тебя уловили фотографии твоих детских документов...* [2, с. 489]), так и одушевленным (*Приехала Гита и кое-что рассказала. На карточке ты ужасно худая. Это и она подтверждает* [2, с. 509]).

Для оценки внешности адресата автор активно использует такие фигуры речи, как **эпитеты** (*большой лоб, чудное, достойное, непреднамеренно прекрасное лицо* [2, с. 467]; *твердая и замкнутая скрутка, горький и прекрасный узел* [2, с. 490]; *бестолковая, худая, бледная* [2, с. 754]) и **метафоры** (*Видишь, ведь ты вылитая козочка Маруся (Братовицинская), помнишь ее?* [2, с. 479]; *Ты была изумительным, упруго скрученным бутонем, когда тебя уловили фотографии твоих детских документов...* [2, с. 489]).

Оценка состояния адресата в письмах Б. Пастернака к Е. Пастернак встречается реже (нами выявлено всего 4 контекста), но она имеет свои языковые особенности. В текстах данного типа автор часто использует лексический повтор: *катитесь и катитесь; шибко-шибко; верю, верю* [2, с. 465]; *главное лицо, главное лицо, явись* [2, с. 501]; *Тебе трудно было писать, тебе трудно это все потому, что тебе трудно сделать меня близким и дорогим себе* [2, с. 757].

Нередко в контексты, в которых речь идет о состоянии адресата, включаются однородные члены предложения: *И страшно трудно тебе с пеленками, с кормлением, с соседями, с криком мальчика и с их куреньем* [2, с. 465]; *Убежден, что кто-нибудь у тебя гостит, Нюня или мама, и с ними тебе ни весело, ни одиноко, ни хорошо, ни плохо, и во всяком случае не до меня, не до судьбы, не до роз, не до всякой этой, как в таких случаях говорят, – фантастики* [2, с. 501]. Однородные ряды позволяют автору либо

объективировать оценку состояния адресата (*тебе страшно трудно, потому что вокруг и пеленки, и соседи, и крики мальчика...*), либо представить состояние адресата более конкретно (*тебе ни весело, ни одиноко, ни хорошо, ни плохо; не до меня, не до судьбы, не до роз, не до всякой этой фантастики*).

Таким образом, в ходе исследования были выявлены языковые и функционально-стилистические особенности репрезентативов, извлеченных из писем Б. Пастернака к Е. Пастернак. Репрезентативы включают в себя многочисленные приемы воздействия на адресата. В данном исследовании нами были выбраны те приемы, которые наиболее ярко характеризуют личности участников коммуникации. Нами представлены и охарактеризованы как общие признаки текстов (обращение, сравнение, использование абстрактных существительных), так и частные способы их реализации (субстантивные лексемы, стилистически сниженная лексика, эмоционально окрашенные глагольные лексемы, фигуры речи, лексические повторы, ряды однородных членов предложения).

Обращения отражают внутреннее состояние автора, определенное характером его отношений с адресатом, а также эксплицитно или имплицитно характеризуют внешность собеседника. Довольно часто обращения реализуют функции адресации и характеристики.

Излюбленной стилистической фигурой речи Б. Пастернака при создании эпистолярных текстов является **сравнение** адресанта и адресата, причем на первый план могут выходить особенности внутреннего состояния (поведения) как первого, так и второго в зависимости от того, кто является субъектом оценки. Так, при характеристике адресата он же становится субъектом, а при самохарактеристике в этой роли выступает сам автор.

При оценке и представлении собственного состояния автор нередко проводит параллель между собой (субъектом описания) и природой. Иногда в таких случаях адресант прибегает к контрастному описанию.

Абстрактные существительные автор вводит в текст при характеристике адресата и самого себя. В исследованных нами текстах-репрезентативах отвлеченные субстантивные лексемы маркируют действительностные и оценочно-характеризующие качества и свойства обоих собеседников.

Автор активно использует субстантивные лексемы с оценочным значением и отрицательными коннотациями в комплексе с краткими и полными формами имен прилагательных. Оценка собственного (как правило, негативного) состояния осуществляется посредством введения в текст стилистически сниженной лексики. Кроме того, при создании текста активно используются эмоционально окрашенные глагольные лексемы.

Оценивая внешность адресата, автор опирается на сведения, полученные из вещественных источников (карточка, фотография) или от других людей. При этом неотъемлемой составляющей манеры автора является использование фигур речи – метафор, эпитетов.

Языковой особенностью текстов-репрезентативов, включающих в себя такой прием воздействия на адресата, как оценка его внутреннего состояния, является использование лексических повторов, а также рядов однородных членов предложения, помогающих объективировать и конкретизировать оценку состояния адресата.

Библиографические ссылки

1. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1996. Вып. 17 : Теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И. Н. Кобозевой, И. В. Демьянова ; под общ. ред. Б. Ю. Городецкого. С. 170–174.
2. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. / сост. Е. Б. Пастернак. Т. 7. Письма. 1905–1926. М., 2005.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981.
5. Казарин Ю. В. Филологический анализ поэтического текста. М., 2004.
6. Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков. М., 1978.
7. Нечаева О. В. Краткие имена прилагательные в предложениях с семантикой характеристики // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 203–204.

References

1. Searle J. [Classification of illocutionary acts]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, 1996. Issue 17 : *Teoriya rechevykh aktov*. P. 170–174 (in Russ.).
2. Pasternak B. L. [Complete works with applications] : in 11 vol. Vol. 7. [Letters from 1905 to 1926]. Moscow, 2005 (in Russ.).
3. Kovtunova I. I. [Poetical Syntax]. Moscow, 1986 (in Russ.).
4. Dal V. I. [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow, 1981 (in Russ.).
5. Kazarin Y. V. [Philological analysis of the poetic text]. Moscow, 2004 (in Russ.).
6. Wolf Y. M. [Grammar and semantics of the adjective: on the material of ibero-romance languages]. Moscow, 1978 (in Russ.).
7. Nechaeva O. V. Brief names of adjectives in sentences with semantics of characterization. *Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. V. G. Belinskogo*. 2011. No. 23. P. 203–204 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.05.2017.
Received by editorial board 02.05.2017.